

МЕСТО СЛАВЯНСКИХ ГОВОРОВ НА ТЕРРИТОРИИ РНР В СИСТЕМЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СЛАВЯНСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ *

ЭМИЛЬ ВРАБИЕ

§ 1. Как известно, на территории Румынской Народной Республики имеется много населенных пунктов со славянскими говорами: украинскими, русскими, сербохорватскими, болгарскими, словацкими, чешскими и польскими¹.

Важным моментом в изучении славянских говоров РНР было состоявшееся в Бухаресте 27—28 июня 1961 г. первое *совещание по славяно-румынской диалектологии*. Совещание, которое было организовано по инициативе Ассоциации славистов РНР, явилось хорошим поводом для рассмотрения достижений румынских славистов, в той или другой мере занимавшихся изучением славянских говоров нашей страны и,

* Список сокращений источников приводится в конце статьи.

Русские, украинские и болгарские примеры, собранные нами, даются в фонетической транскрипции, по принципам, рекомендованным программами собирания материалов для составления соответствующих национальных лингвистических атласов (населенные пункты: *Липовень, Кламэуць, Лука-ла-Тиса, Рона-де-Сус, Копчеле, Тырговиште, Попешть-Леордён*). Словацкие и словацко-украинские примеры, собранные нами, даются в транскрипции, которую рекомендует Проект фонетической транскрипции для Общеславянского лингвистического атласа, составленный З. Штибером (III вариант) (населенные пункты *Нэдлак и Перегул-Маре*). Данные, взятые из печатных источников, сохраняются без изменения.

¹ Перечень основных населенных пунктов со славянскими говорами на территории РНР приводится в нашей статье *Privire asupra localităților cu graiuri slave din Republica Populară Română*, опубликованной в «*Romanoslavica*», VII (1963), стр. 75—85.

в то же время, удачным случаем для совместного установления задач, связанных с дальнейшим изучением этих говоров¹.

В докладе, прочитанном на этом совещании, мы вкратце указали, в чем, по нашему мнению, состоит значение, которое имеют для славянской диалектологии — и вообще для славистики — конкретные языковые данные, предоставляемые славянскими говорами РНР².

Нижеследующие факты и соображения продолжают и дополняют данные и мысли, которые были нами изложены в упомянутом здесь докладе.

I

§ 2. Точное определение места, которое занимают современные славянские говоры РНР в системе диалектов и говоров соответствующих славянских языков, во всех отдельных случаях пока еще невозможно. Это объясняется, с одной стороны, тем, что у нас до сих пор далеко не все славянские говоры были исследованы в достаточной мере, а с другой, тем, что в самих славянских странах сплошное изучение народных говоров методами географической лингвистики полностью ещё не осуществлено. Когда национальные атласы славянских диалектов будут готовы, они смогут послужить прочной базой для классификации не только диалектов и говоров, развивающихся в славянских странах, но и тех, которые ведут обособленное, изолированное существование в условиях неславянского языкового окружения. К последним относятся и славянские говоры РНР.

Однако, исходя из тех данных, которые были собраны до настоящего времени от носителей славянских говоров нашей страны, а также из имеющихся классификаций славянских диалектов, можно уже сейчас приступить к определению многих из славянских говоров РНР по отношению к диалектам, поддиалектам и даже говорам, развивающимся в соответствующих славянских странах.

Остановимся, таким образом, по очереди, на говорах отдельных славянских языков, в настоящее время бытующих на территории нашей страны.

§ 3. Украинские говоры РНР, которые по числу говорящих стоят на первом месте среди славянских говоров нашей страны, с генетической и структурной точки зрения принадлежат к южному диалектному массиву украинского языка, то-есть к говорам без дифтонгов (Берншт., *Очерк*, 109).

В населённых пунктах с украинцами, расположенных в Марамурешской, Сучавской и Банатской областях, встречаются только украинские говоры юго-западного типа (о характерных чертах этих говоров см.

¹ См. хронику Г. МИХАИЛЮ, *Conferința de dialectologie slavo-română*, SCL, 4/1961, стр. 579—582, а также «Romanoslavica», VII (1963), номер, целиком посвящённый вопросам славянской диалектологии в РНР.

² См. E. VRABIE, *Stadiul actual și sarcinile cercetării graiurilor slave din R.P.R.*, «Romanoslavica», VII (1963), стр. 55—74.

Жилко, 47-138), а в населённых пунктах с украинцами, расположенных в Добруджской области — говоры юго-восточного типа (о характерных чертах этих говоров см. Жилко, 139 — 171).

Хотя по своим общим чертам все украинские говоры, представленные в северной части РНР, относятся к одному и тому же диалектному типу, всё-таки они значительно отличаются друг от друга, не только в отношении словаря, но и по своей фонетической и грамматической структуре. Судя по результатам проведенных до настоящего времени исследований, в Марамурешской и Сучавской областях имеются три юго-западных подтипа украинских говоров: *закарпатские*¹, *гуцульские*² и *покуто-буковинские*³ говоры.

Украинские говоры банатских украинцев являются говорами карпатского подтипа. В деталях они отличаются от близких по общей структуре закарпатских говоров Марамурешской области. Ср., хотя бы такое различие в произношении гласного *о* в новых закрытых слогах: *кун'* «конь» (*Лука-ла-Туса* Марамурешской области) и *кѳн'* (*Копчеле* Банатской области).

Украинское население, проживающее в ряде населённых пунктов Добруджской области, говорит на юго-восточных говорах т. н. *степного подтипа* (*степові говірки*, см. об их характерных чертах Жилко, 166 и сл.).

О словацко-украинском говоре *Перега* см. дальше, § 7.

§. 4. Все **русские** говоры РНР, которые иногда называют и «*липованскими*» говорами, по имени их носителей (*липоване* «старообрядцы», «раскольники»), являются говорами *южновеликорусского* типа (основные критерии — аканье и $\gamma < g$).

По характеру проявления гласных неверхнего подъема в первом предупредном слоге после мягких согласных русские говоры РНР явля-

¹ ИВАН ПАНЬКЕВИЧ, *Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей*. Часть I (Звучня і морфологія), Прага, 1938 (см., напр., стр. XXI, XXVIII, 319, 343—344 и др., где даются сведения об украинских говорах, находящихся на территории РНР). Ср., также, Н. ПАВЛЮК, *Украинские говоры Мараморощины* (автореферат кандидатской диссертации), Харьков, 1958, 18 стр.

² Гуцульский говор села *Бродина* (на крайнем северо-востоке Сучавской области) отражается в РЛА II, том I и в РЛА «новая серия», картографический пункт 366, на основе анкет, проведенных там акад. Э. Петровичем в 1936—1937 гг. Ср. и работу И. ПЭТРУЦА, *Fonetica graiului huful din Valea Sucevei*, Бухарест, 1957, в которой изучается материал, собранный Э. Петровичем. Некоторые данные о гуцульском говоре содержит и первая часть статьи А. ВРАЧУ, *Note de dialectologie slavă*, основывающейся на материале, собранном автором в селе *Беня* Сучавской области. См. «*Romanoslavica*», VII (1963), стр. 131—146.

³ До настоящего времени нет ни одного исследования, посвященного украинским говорам РНР покуто-буковинского подтипа. Мы имеем о них определенное представление благодаря нескольким анкетам предварительного характера, проведенным в ряде населённых пунктов Сучавской области с населением, говорящим на украинском языке (*Дармэньшть*, *Ипотэшь*, *Рогожэшь*, *Ицкэнь*, *Сирэнь*). Кое-какие данные о лексике украинцев этой области содержит этнографический очерк Дмитрия Дана (DIMITRIE DAN, *Rutenii din Bucovina*, см. «*Analele Acad. Romine*», серия II, том XXXV, 1912—1913 гг. (Memoriile secțiunii literare), Бухарест, 1913 г., стр. 37—80.

ются *якающими* говорами. Исключение составляет только говор села *Писк* Браиловского района, который является последовательно *икающим* говором¹.

По характеру личного окончания глаголов в 3-м лице единственного и множественного числа настоящего (будущего) времени русские говоры РНР образуют две резко отграниченные группы: для *всех* говоров Сучавской, Бакэульской и Ясской областей характерно окончание *-т* (твердое); для *всех* говоров Галацкой и Добруджской областей — *-т'* (мягкое).

§ 5. **Сербохорватские** говоры РНР, сконцентрированные в Банатской области, принадлежат к штокавскому диалектному типу. Исключение составляет только говор села *Кеча* (Чесеа) Жимболийского района, принадлежащего к *кайкавскому* типу. Его носители — хорваты. Они переселились сюда в XVIII веке из загребского жупанства (*ЖБВ*, 1/1962, стр. 87).

Сербохорватских говоров чаковского типа на территории РНР не обнаружено.

По судьбе гласного **ѣ* сербохорватские говоры РНР в основном принадлежат к *экавскому* типу, распространённому в Войводине, восточной Сербии и восточной Черногории². К нему относятся почти все говоры западной части Банатской области, а также сербохорватские говоры ряда населённых пунктов, расположенных в Помурье (северная часть Банатской области). По своей структуре все эти говоры принадлежат к т. н. *шумадийско-войводинскому* диалекту сербохорватского языка (Ivić, *Die serbokr. Dialekte*, 167, 170, 175).

Типичным штокавским *экавским* говором является у нас, например, сербохорватский говор села *Гад* (Gad) Чаковского района, получивший довольно широкое отражение в РЛА³, на основе данных, собранных там акад. Э. Петровичем.

Сербохорватские говоры сёл так называемой Банатской Клисуры (*Любкова*, *Молдова-Вёке*, *Мэйерич*, *Пожезёна*, *Белобрёшка*, *Дёвич*, *Златица*, *Сёкол*) принадлежат к *косово-ресавскому* типу штокавского диалекта (Ivić, *Die serbokr. Dialekte*, § 331, стр. 226; Berić, *Accentul...*).

Особое место среди сербохорватских говоров РНР занимают говоры с рефлексом **ѣ*, отличным от *е*. Сюда относятся говоры *Карашовы* (Petrović, *ГС*, 64 и сл.), *Рекаша* и сёл так называемого Банатского Черногорья (Ivić, *Die serbokr. Dialekte*, 185, 269, 274 и сл.).

Своими частично совпадающими архаическими чертами говоры *Карашовы* (к югу от Решницы) и *Свиницы* (на крайнем юге Банатской области, на берегу Дуная) занимают среди других сербохорватских говоров РНР совсем особое место. Их диалектная база похожа на

¹ VICTOR VASCENCO, *Observații asupra graiului rusesc al lipovenilor din satul Pisc, raionul Brăila*, «Romanoslavica», VII (1963).

² См. карту современных диалектов сербохорватского языка в работе И. БРАБЦА, М. ХРАСТЕ, С. ЖИВКОВИЧА, *Gramatica hrvatskoga (ili srpskoga) jezika*, I, Загреб, 1952.

³ См. РЛА II, том I и РЛА «новая серия», I—III, картографический пункт 37.

базу так называемых *призрено-тимокских* говоров сербохорватского языка¹.

§. 6. Среди **болгарских** говоров РНР, в той мере, в какой они до настоящего времени изучены, различаем, прежде всего, *банатские говоры*, которые по своим особенностям принадлежат к т. н. *павликянскому* диалектному типу (Стойков, *Бълг. диал.*, 88—89).

Болгарский говор села *Бешенова-Веке* Банатской области получил довольно широкое отражение в РЛА², на основе материала; собранного там акад. Э. Петровичем. Относительно недавно этот материал был проанализирован проф. Ст. Стойковым в статье *Говорът на село Бешенов в Банат*³.

К павликянскому же диалектному типу принадлежат и два болгарских говора в окрестностях Бухареста: это говоры сёл *Попешть-Леорденъ* (Popești-Leordeni) и *Чопля* (Cioplea).

В нескольких населённых пунктах РНР сохраняются изолированные болгарские говоры *северо-западного* типа, точнее — *белослатинско-плевенского* подтипа. К ним относятся, по крайней мере, говоры «сербов» (так себя называют местные болгары), проживающих в городе *Тырговиште* и в селах *Бэлень-Сырбъ* (Băleni-Sîrbi), *Котяна* (Coteana) и *Бребень-Сырбъ* (Brebeni-Sîrbi).

Интересно отметить, что в говоре болгар, проживающих в *Тырговиште*, были записаны, с одной стороны, *все* характерные особенности, которыми отличаются северо-западные говоры болгарского языка (Стойков, *Бълг. диал.*, 95): *зъп* «зуб», *лѣштъ* «чечевица», *сѣжди* «сажа», *ние сме дошлѣ* «мы пришли», *брегъ е високъ* «берег высок», *живѣта е къс* «жизнь коротка», — а с другой — *все* специфические черты белослатинско-плевенского подтипа северо-западных болгарских говоров (Стойков, *Бълг. диал.*, 95—96): *спъ* «сплю» *бѣра* «собираю», *той ите рѣботи със мене* «он будет работать со мной», *иглъ* «иглолка», *мъглътъ* «туман», *трн'е* «колючки», *ти мѣ видиш мене* «ты меня видишь», *нѣг'ъ г'ъ по-знайъ оркъой* «её знают все» и *дѣвъм ной* «даю ей».

Дальнейшее изучение этого говора, отделившегося от болгарского языка несколько столетий тому назад, представляет, безусловно, большой интерес для истории однотипных по структуре говоров, развивающихся на болгарской почве.

Наконец, в целом ряде населённых пунктов РНР имеются говоры *восточно-болгарского типа* (критерий 'a||e < ѣ, см. Стойков, *Бълг. диал.*, 53, Берншт., *Очерк*, 110). Сюда относятся, например, говоры сёл *Брэ-*

¹ P. Ivić, *Les balkanismes naissants dans les parlers serbes du Banat*, «Cercetări de lingvistică», III (1958), Supliment, стр. 229 (в подстрочнике, примечание 1); ср. и Berić, *Accentul...*

² См. РЛА II, том I и РЛА «новая серия», I—III, картографический пункт 48.

³ См. журнал «Български език», 2—3, 4 и 5 за 1960 г. Данные, содержащиеся в III томе РЛА «новая серия», вышедшем в 1961 г., не смогли быть использованы в указанной статье.

*néuť*¹ (Brănești) и *Кья́жны*² (Chiajna) в окрестностях Бухареста (Стойков, *Бълг., диал.*, 119).

§ 7. Словацкие говоры РНР, на которых говорят в целом ряде населённых пунктов Банатской, Кришанекой, Клужской и Марамурешской областей, представляют собой два из трёх основных типов словацких диалектов (Берншт., *Очерк*, 110; E. Pauliny, J. Ružička, J. Štöle, *Učebnica slovenského jazyka*, Братислава, 1955, стр. 11—13): *центральный*, к которому относится большинство словацких говоров РНР, и *восточный*, главным образом, в Марамурешской и, частично, в Кришанской областях.

На территории нашей страны не обнаружено ни одного говора западно-словацкого типа.

Типичными словацкими говорами центрального типа являются у нас, например, говор населенного пункта *Нэдлак* (Nădlac) в северо-западной части Банатской области и говор села *Вэля-унгурулуй* (Valea-Ungurului) — в Кришанской области³.

В некоторых населённых пунктах РНР обнаружены словацкие говоры *смешанного* (*центрально-восточного*) типа. К ним относятся, например, говоры сёл *Борумлака* (Borumlaca) и *Вэрзэрь* (Vărzari) Маргитского района Кришанской области⁴.

Особое место среди словаков, проживающих в нашей стране, занимает население села *Перегул-Маре* (к западу от Арада), которое говорит на *переходном восточнословацко-украинском* говоре. Носители этого говора называют язык, на котором они говорят «*переканским*», а себя считают словаками. (Однако, в отличие от всех других словаков этой области, перекане являются не католиками, а православными).

Среди украинских черт этого говора отмечаем, например, наличие полногласия, суффикс *-ti* в инфинитиве, ударение не всегда на первом слоге и др. Например: *zaha'roda*: «двор», «сад», ср. в словацком говоре Нэдлака *za:hrada*; 'xt'ikaĭ 'napered «беги вперед!», ср. Нэдл. 'ut'ekaĭ 'napred; *znam bišido'vatŭ po-pe'recki* «умею говорить по-перекански», ср. Нэдл. *vŭem 'rospra:vat' 'po_nadlacki*.

Нужно отметить, что такие смешанные говоры были обнаружены и в Венгерской НР⁵.

¹ См. GH. BOLOCAN, *Cu privire la corelația de sonoritate în graiul bulgar din comuna Brănești*, SCL, 4 (1958), стр. 491—495; *Observații asupra grupurilor consonantice în graiul bulgar din comuna Brănești*, «Fonetica și dialectologie», II, (1960), стр. 105—120.

² См. ZLATCA IUFFU, *În legătură cu sistemul fonetic al graiului bulgar din comuna Chiajna (reg. București)*, «Romanoslavica», VII (1962) стр. 147—158.

³ Изучением словацких говоров на территории РНР занимаются у нас Панделе Олтяну, доцент филологического факультета Бухарестского университета и, в последние годы, Гр. Бенедек, ассистент Филологического факультета Клужского университета.

⁴ См. статью ГР. БЕНЕДЕКА, *Despre un grai slovac mixt din regiunea Crișana (graiul din Borumlaca și Vărzari)*, «Romanoslavica», VII (1963), стр. 219—240.

⁵ См. ПЕТЕР КИРАЙ (Будапешт), *О переходном восточно-словацко-карпато-угорском диалекте в Венгрии*, Акад. Наук СССР, IV Международный съезд славистов, «Славянская филология», сб. статей, III, Москва, 1958, стр. 163—173.

§ 8. Чешских говоров у нас сравнительно мало. Они сконцентрированы в ряде населённых пунктов, расположенных в южной части Банатской области.

Изучение чешских говоров РНР пока ещё находится в начальной стадии¹.

В 1962 г. Сл. Утешеный, опираясь на данные, собранные им же, опубликовал статью, в которой дается краткая характеристика чешских говоров населенных пунктов *Сфынта-Элена* (Sfinta Elena) и *Гырник* (Girnic)². По Сл. Утешеному в Сфынта-Элена преобладают диалектные элементы *среднечешского* типа, наряду с которыми, однако, появляются и некоторые *восточнечешские* черты, в то время как в Гырнике преобладающими являются *юго-западнечешские* элементы.

§ 9. Немногочисленные польские говоры РНР остались до сих пор почти неизученными.

Единственный у нас польский говор, который был предметом лингвистических наблюдений, это говор села *Булай* (Bulai) Сучавского района. Здесь провели диалектную и фольклорную анкету доц. И. Кицимия и Э. Дебовяну-Малаеску, которые пришли к выводу, что по своей общей структуре данный говор относится к *малопольскому* диалектнsmу³.

II

§ 10. Систематическое исследование и подробное описание современных славянских говоров РНР, определение их типа, а также, по мере возможности, и их места в системе диалектов и говоров соответствующих славянских языков представляет для славянской диалектологии и для истории славянских языков вообще первостепенное значение.

Если диалекты славянских языков содержат, как пишет С. Б. Бернштейн, «богатейший материал для изучения истории славянских языков, истории праславянского языка» (Берншт., *Очерк*, 41), то это не в меньшей степени относится и к славянским говорам РНР, которые в своем продолжительном и полном (или даже только частичном) отрыве от соответствующих общенародных языков, в своем изолировании в неславянском языковом окружении, смогли, с одной стороны, лучше сохранить некоторые архаические черты, представляющие интерес для истории языка, а с другой, свободнее развернуть те внутренние тенденции развития, которые первоначально были свойственны и говорам, от которых они отделились, но которые в славянских странах стали впоследствии, в большей или меньшей степени, задерживаться всё возрастающим авторитетом литературных языков, и тем самым, диалектов, лёгших в их основу.

¹ См. GH. CIPLEA, *Cantitatea vocalică în graiurile cehe din Banat*, «Romanoslavica», VII (1963), стр. 211—218.

² SLAVOMÍR UTĚŠENÝ, *O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu*. Zvláštní otisk z Českého lidu č. 5 (1962), стр. 201—209 (с резюме на немецком языке).

³ ION C. CHIȚIMIA, ELENA DEBOVEANU-MĂLAESCU, *Graiul și folclorul polonez din Bulai, raionul Suceava*, «Romanoslavica», VII (1963), стр. 159—186.

§ 11. В упомянутом выше докладе (см. § 1, стр. 196, прим. 2) было сказано, что ряд славянских говоров РНР представляет интерес благодаря сохранившимся в них архаизмам. Некоторых из этих архаизмов мы коснёмся ниже.

§ 12. Фонетические архаизмы обнаруживаются, в той или другой мере, в говорах всех славянских языков, на которых говорят славяне, проживающие в РНР. Остановимся на некоторых примерах.

В сербохорватском говоре Карашовы, помимо уже упомянутого архаизма *e* < *ě* (см. § 5), сохраняется и целый ряд других значительных архаических фонетизмов, на которые в свое время указал акад. Э. Петрович: сохранение *l*, не перешедшего в *u* (Petrović, *GC*, 84), несмотря на закономерность такого изменения в штокавских говорах Югославии (Ivić, *Die serbokr. Dialekte*, § 70, стр. 96, пункт 5; § 443, стр. 274); сохранение *l* в конце слова и слога, напр. *deběl* «толстый», ср. схр. *děbo*, *deběla* «crassus», «pinguis» (Rječnik, 326), *kālne svōle* «грязная одежда», ср. схр. *kālan*, *kāona* < **kaľnъ* «luteus» (Rječnik, IV, 765) Petrović, *GC*, 97; Ivić, *там же*, § 444). То же явление наблюдается и в говоре Свиницы: *стелна*, *телци*, *стол*, ср. схр. *stěona*, *teoци*, *stō* (ЖБВ, 2/1961, стр. 83) и Рекаша: *весел*, *бел*, ср. схр. *věseo*, *běo* (ЖБВ, 1/1962, стр. 84). Другие интересные фонетические архаизмы, отмеченные в говоре Карашовы: *t'* и *d'* вм. схр. *ć* и *d* (Petrović, *GC*, 102-104¹, *čr-* (Petrović, *GC*, 115) вм. шток. *cr-* (Ivić, *Die serbokr. Dialekte*, 97, пункт 10) и др.

Наличие в изолированных говорах одних архаизмов обычно является указанием на то, что там же сохраняются и другие реликты от предыдущих этапов развития языка. Так, например, в том же схр. говоре Свиницы, где, как было сказано, сохраняется *-l*, встречаем, как и в Карашове, *t'* и *d'*: *пет'* «печь», *мед'а* «межа» (ЖБВ, 2/1961, стр. 83), ср. схр. лит. *nēh*, *mēja*².

Болгарские говоры РНР вообще менее архаичны, чем только что упомянутые сербохорватские говоры. Все-таки фонетические архаизмы кое-где сохраняются и здесь. Так, например, в павликянском говоре Попешть-Леордень последовательно сохраняется гласный звук среднего ряда верхнего подъема, этимологически соответствующий древнеболгарскому **ѣ**. Как известно, в общеполгарском языке *y* (**ѣ**) > *i* ещё в начале среднеболгарского периода³. Ср. *быкъ* «бык», *сын* «сын», *скрый* «(я) скрыл», *рыбъ* «рыба» (Попешть-Леордень) и болг. лит. *бѣкът*, *син*, *скрих*, *рѣба*. В современных народных говорах Болгарии этот фонетический архаизм встречается редко, в смолянском и павликянском наречии (Стойков, *Бълг. диал.*, 84, 89). Следы старого **ѣ** кое-где замечены и в коларовградских говорах (Стойков, *там же*, 66).

¹ Ср. и И. ПОПОВИЋ, *Историја српскохрватског језика*, Нови Сад, 1955, стр. 78.

² См. и статью В. БЕСКУ, *Fonetisme arhaice în graiurile sîrbocroate din Banat*, «Romanoslavica», VII (1963), стр. 195—202.

³ КИРИЛ МИРЧЕВ, *Историческа граматика на българския език*, София, 1958, стр. 118—119.

Отдельные фонетические архаизмы сохраняются и в других славянских говорах РНР — украинских, русских и т. д. Ср., например, произношение *сус'ёт* (правда, наряду с *сас'ёт*) «сосед» в русском говоре села Липовень Сучавского района или, в том же говоре, *марав'ёл'* «муравей», где *а* в первом предударном слоге соответствует общевосточнославянскому *о*, ср. болг. *мравка*, схр. *мрâв*¹ и др.

§ 13. Не менее значительными являются и морфологические архаизмы, сохраняющиеся в некоторых славянских говорах РНР, в первую очередь украинских и сербохорватских.

Остановимся на нескольких примерах.

В украинских говорах Марамуришской области твёрдо сохраняются краткие формы дательного и винительного падежа личных и возвратно-личного местоимений, в большинстве украинских говоров Украинской ССР давно исчезнувшие. Например, мы записали из уст одного из носителей говора села Лунка-ла-Тиса: *дай ми* «дай мне», ср. укр. лит. *дай мені*; *видиш н'а* «видишь ли меня?», ср. укр. лит. *видиш мене?* То же явление мы заметили и в украинском говоре села Рона-де-Сус Сигетского района (ср. и *Панькевич*, 262 и сл.).

Другим значительным для украинского языка архаизмом является сохранение в первом и во втором лице единственного и множественного числа прошедшего времени остатков вспомогательного глагола **бѣти**, при помощи личных форм настоящего времени которого образовывался перфект. Примеры: *пойі́вм*, *пойі́вис*, *пойі́в*, *пойі́лисмо*, *пойі́листе*, *пойі́ли* «(я) поел», «(ты) поел» и т. д. (Лунка-ла-Тиса); *у йакѹ м йа́му упáў*, *у йакѹ с йа́му упáў* (1 и 2 л. ед. ч.), *у йакѹ сме йа́му упáлы*, *у йакѹ сте йа́му упáлы* (1 и 2 л. мн. ч.) «в какую яму я упал!» и т. д. (Рона-де-Сус) (ср. и *Панькевич*, 313 и сл.).

И украинские говоры гуцулов Сучавской области сохраняют, правда, в меньшей степени, морфологические архаизмы. Например, в Бродине (см. § 3, примеч. 2) для понятия «ладонь» было получено слово *dolón* (РЛАН II, том I, стр. 27, вопрос 2171), что по сравнению с укр. лит. *долоня* является очевидным морфологическим архаизмом, ср. праслав. **dolнь* (РЭС, 176). В наиболее известных словарях украинского языка зарегистрировано только слово *долоня* (напр., *Гринч*. I, 417, *Калин*. 219 и др.), склоняющееся по типу *ја*-основ.

Примечательные морфологические архаизмы были до настоящего времени обнаружены и в некоторых сербохорватских говорах РНР. И в этом отношении на первом месте стоит, по-видимому, консервативный говор Карашовы. Здесь были отмечены, между прочим, такие морфологические архаизмы: *-ove* (*-eve*) в именительном падеже множественного числа имен существительных мужского рода, ср. схр. лит. *-ovi*, *-evi* (Petrovici, GC, 156); нулевое окончание в родительном (и местном) падеже множественного числа старых *јѥ*-основ, напр., *konj*, (Petrovici, GC, 161), вм. общесербохорватской иновации *-â* (Vaillant, II, § 144, стр. 66, Ivić, *Die serbokr. Dialekte*, стр. 97, пункт 15); *-i* в творительном

¹ П. Я. ЧЕРНЫХ, *Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период*, Москва, 1956, стр. 50.

падеже множественного числа существительных мужского рода (Petrović, GC, 161) в м. общесербохорватской иновации *-ima* (Vaillant, там же); *-am* (соотв. *-amì*) в дательном (соотв. творительном) множественного числа имен существительных женского рода (Petrović, GC, 163), напр. *dávam seno krávam* «даю сено коровам» (соотв. *gr'bavimi nogami* «растопыренными ногами») в м. *-ima* (соотв. *-ama*) в общесербохорватском (Vaillant, II, § 144, стр. 66—67).

В говоре Карашовы сохраняются и другие интересные морфологические архаизмы: в области образования степеней сравнения имен прилагательных, в склонении кратких форм личных местоимений, в образовании будущего времени и повелительного наклонения (Petrović, GC, 170, 173, 190, 207). Можно предполагать, что исследование этого говора по вопроснику, составленному с учетом истории и структуры славянских языков, в первую очередь, конечно, сербохорватского, выявит и другие, не менее интересные архаизмы.

И в малоизученном, пока, сербохорватском говоре Свиницы были обнаружены некоторые морфологические архаизмы: *-ove* (*-eve*) во множественном числе существительных мужского рода (ср. то же явление в говоре Карашовы, см. выше) и окончание *-e* в дательном падеже единственного числа имен существительных женского рода (ЖБВ, 2/1961, стр. 83), ср. с хр. лит. *-i* (Vaillant, II, § 152, стр. 93).

Отдельные морфологические архаизмы встречаются и в тех славянских говорах РНР, которые отделились относительно недавно от данного общего языка. В этом смысле можно было бы остановиться, например, на болгарском говоре села Попешть-Леорденъ, где у имен существительных мужского рода, обозначающих лиц, в единственном числе, ещё сохраняется древнее морфологическое (и синтаксическое) различие между падежом субъекта и падежом прямого дополнения: *âc съм пѣтръ* «Я Петр!», но *убѣжъм пѣтръ* «Люблю Петра». (ср. Стойков, Бълг. диал., 138). Здесь же мы записали архаическую форму винительного падежа среднего рода личного местоимения 3-го лица *и*, восходящую к древнеболгарскому *ю* (ср. Стойков, там же, 155), как, например, в предложении *аз и рѣнъ љѣбѣѣ* «я его (кучето=собаку) кормлю хорошо». В общеполгарском языке древние формы винительного падежа и для мужского рода и *е* (*ю*) для среднего исчезли очень рано. «Употребление в среднеболгарских памятниках старых форм винительного *и* и *е* является исключительно традиционным» (Мирчев, Ист. грам. б. яз 167).

Морфологические архаизмы содержат и наиболее новые на территории нашей страны говоры — польские: ср. *pod oknom* «под окном» в польском говоре села Булай Сулавского района (Киц.-Деб.) и общепольск. *pod oknem* (Vaillant, II, § 140, стр. 56 и § 161, стр. 121).

§. 14. Синтаксических архаизмов в славянских говорах РНР до сих пор не обнаружено.

По-видимому, синтаксическим архаизмом является следующая конструкция, записанная акад. Э. Петровичем в украинском говоре Бродины (сохраняем транскрипцию РЛА': *čelovec crásnim vól(1)osom* (ответ, полученный на вопрос 6809 вопросника РЛА «Cum ziceți unui om cu părul roșu?» см. РЛА II, том I, стр. 2). В данном случае перед нами

явный пример творительного социативного качественной характеристики.

Как известно, в древних славянских языках процесс замены беспредложных конструкций творительного социативного качественной характеристики предложными конструкциями с предлогом *s* (*e*) начался очень рано. В настоящее время «восточнославянские языки не знают творительного социативного беспредложного»¹. Действительно, в современном украинском языке употребляется только творительный социативный качественной характеристики с предлогом *s*: *дівчина з карими очима, з чорними бровами; піп з бородою; відро з душкою*² и т.д.

Таким образом, древняя синтаксическая особенность, отсутствующая в современном украинском литературном языке и в говорах, сохраняется в периферийном, изолированном говоре, уже давно развивающемся в отрыве от украинского национального языка, в условиях румынского языкового окружения.

Следует прибавить, что в приведенном выше примере мы не можем предполагать новообразования под влиянием румынского языка, так как в самом румынском языке соответствующее отношение выражается предлогом *cu* «с». К тому же, обращает внимание и то, что конструкция с предлогом *содержалась в самом вопросе: «...om cu răul goșu»*. Тем более была бы ожидаемой предложная конструкция: ср. в сербохорватских говорах Баната конструкции типа *oremo s plugom* «(мы) пашем плугом», возникшие, по всем вероятностям, под влиянием румынского языка (Ivić, *Les balkanismes*, 232—233).

§ 15. В современных славянских говорах нашей страны сохраняются и лексические архаизмы. В отдельных случаях такие архаизмы могут представлять интерес для исторической лексикологии и семаснологии славянских языков, а также (см. § 18) для этимологических исследований.

Во-первых, славянские говоры РНР сохраняют старые лексемы, представленные в памятниках письменности, но неизвестные в данном современном литературном языке. Это собственно-лексические (или, просто, лексические) архаизмы. Остановимся на нескольких примерах, отмеченных в украинских говорах Марамурешской и Сучавской областей.

В говоре села Рона-де-Сус для понятия *Vespertilio murinus* («летучая мышь») имеется слово *мыльк*, в то время как современный украинский литературный язык знает только термин *кажани* (Калин., 223). Это древнее восточнославянское слово, отмеченное еще в XIV веке (Срезн., II, 22: *анякъ, анякъ, анякъ* «*mergus*»). Однако с семантической точки зрения толкование посредством *mergus* «нырок» вызывает определенные сомнения: для контекста, который имеет в виду И. И. Срезневский, по нашему мнению, лучше подходит значение «летучая мышь»: *не кажте... крана ноцна и аняка*. К тому же следует прибавить, что значение *mergus* для древнегреческого слова *κατάρραγες*,

¹ См. коллективный труд *Творительный падеж в славянских языках*, под редакцией С. Б. Бернштейна, Москва, 1958, стр. 42.

² Там же, стр. 65.

соответствующее др.-русск. *лиликъ*, только предположительно¹. Местами слово *лилик* со значением «летучая мышь» еще сохраняется в украинском языке (см. *Жилко*, 70, *Гринч.*, II, 359, *Желех.*, I, 403, *Куз.-Рудн.*, 363). Ср. и болг. *лѣляк*, *лиликѣн* «летучая мышь» (*Героев*, III, 13).

Другим лексическим архаизмом является, напр., слово *напудити* «напугать», в том же говоре: *чого_с н'а напудити* «Почему ты меня напугал?» В современном украинском языке в этом значении употребляются *лякати*, *побіхати*, *полошити*, *страхати* (*Калин.*, 552). Об архаичности слова ср. др.-русск. *пудити*, *пужу* «гнать», «прогонять» (*Срезн.*, II, 1723). В югозападных украинских говорах слово *пудити*, *напудити* еще сохраняется (см. *Жилко*, 71, *Желех.*, II, 787, *Куз.-Рудн.*, 424).

Бывают и случаи, когда явно архаичные слова не отмечены в памятниках. Например, слово *холби́н'і* (Рона-де-Сус, Лунка-ла-Тиса) «домотканные брюки» (ср. схр. *хлѣче*) у *Срезн.*, III, 1385 нет. Для этимологии ср. герм. *helan* «скрывать»². В народных говорах Украинской ССР это слово местами сохранилось (*Жилко*, 132, *Желех.*, II, 1043, *Гринч.*, IV, 409, *Куз.-Рудн.*, 1402).

Лексические (в том числе словообразовательные) архаизмы встречаются, конечно, и в других славянских говорах РНР.

В русском говоре села Липовень (Lipoveni) Сучавского района понятие «дятел» называется словом *долба́к*, отсутствующим в русском языке (см. *Даль*, I, 460, *Евг.*, I, 570, *СлСРЛЯз.*, III, 925—927). Так как суффикс *-ак* для образования отглагольных имен существительных в современном русском языке непродуктивен³, диалектизм *долба́к* «дятел» можно считать архаизмом.

В польском говоре села Булай (см. § 9) сохраняются старые польские слова, как, напр., *stępa* «сту́па», *kadlub* «ду́пло» и др. (*Киц.-Доб.*).

§ 16. В целом ряде случаев, при словах, общих данному современному литературному языку и славянским говорам РНР, в последних еще прочно сохраняются старые значения, которые уже забываются или даже полностью забыты в общенародном языке. Это т. н. *семантические* архаизмы.

Остановимся на некоторых примерах семантических архаизмов, сохранившихся в славянских говорах РНР.

В украинском говоре села Лунка-ла-Тиса единственное слово для понятия «жизнь» — *живі́т*, которое продолжает древнерусское слово *жикотъ* «жизнь», *vita* (*Срезн.*, I, 867). В украинском литературном языке, впрочем, как и в русском, слово *живі́т* стало обозначать определенную часть тела — *живі́т*, *στόмахос*, в то время как для понятия «жизнь» закрепилось слово *життя́*, известное и в данном говоре, бла-

¹ См. И. Н. ДВОРЕЦКИЙ, *Древнегреческо-русский словарь* под редакцией С. И. Соболевского, Москва, 1958, том I, стр. 906.

² Академия Наук СССР. Институт языкознания. *Сравнительная грамматика германских языков*, Москва, 1962, том I, стр. 133.

³ См. *Грамматика русского языка*, изд. Акад. Наук СССР, Москва, 1960. Том I, стр. 211, § 284, пункт 4.

годаря книжному влиянию: школе и печати на украинском литературном языке.

Слово *кл'ім'* (Рона-де-Сус), встречающееся в говоре наряду со словом *комбра* «кладовая», общеизвестным в литературном языке, продолжает употребляться в значении др.-русс. *клѣтъ* «комната», «дом», «кладовая» (Срезн., I, 1227). В современном украинском литературном языке для понятия «кладовая» имеются слова *кладовка*, *кладова*, *комора* (Калин., 190), в то время как *кліть* употребляется главным образом в значении «устройство для подъема и спуска в шахту», ср. русск. *клеть* (Калин., 192, ср. и Евг., II, 73). Архаическое значение украинского слова *кліть* было отмечено, например, в карпатских говорах гудцулов Волод. Шухевичем (см. Гринч., II, 252). Касаясь этого слова, Ф. Т. Жилко пишет, что в русских говорах оно означает «кімната» (Жилко, 70). Как уточнение прибавим, что и в русском языке, по крайней мере местами, *клеть* означает «кладовая» (Даль, II, 121, Евг., II, 73).

Судя по древности и значению предмета, можно предполагать, что *смик* «борона» (Рона-де-Сус) является также семантическим архаизмом. Украинское слово *смик* (Гринч., IV, 157) не отмечено с этим значением. Зато, среди значений глагола *смикати* (Гринч., там же) приведены и слова «тащить», «стащить», что вполне подходит для сельскохозяйственного орудия, обозначаемого диалектизмом *смик*. О древности этого значения говорит сравнение с др.-русс. *смыкати* «ползать» (Срезн., III, 447) с соответствием в литовском *smaukūti* «скользить» (ЖЭС, 267).

Для понятия «сонливый» в украинском говоре Бродины было получено слово *дрімлюх* (РЛА II, том I, стр. 53, вопрос 2308). В наиболее известных словарях украинского языка слово *дрімлюх* зарегистрировано только со значением «козодой», «*Caprimulgus europaeus*» (Гринч., I, 445) или вообще не зарегистрировано (Желех., I, 206, Куз.-Рудн., 201). В литературном языке имеется только *дрімлюга* «козодой» (Кирич., I, 464). И в русском языке, судя по данным словарей, *дремлюга* значит тоже «козодой», в то время как *дремлюх* вообще не засвидетельствовано (Даль, I, 494, Евг., I, 605). Спрашивается: является ли *дрімлюх* «сонливый» (Бродина) семантическим архаизмом, или же это местное новообразование? В данном случае следует учесть морфологическую (точнее — словообразовательную) структуру слова: *дрімлюх* (Бродина) < *дрім-л'ух* < *дрѣм'л'ух*, отглагольное образование от *дрѣмати*, ср. в др.-русс. *дрѣмати* «*dormitare*» (Срезн., I, 736), так же как, например, русск. *болт'ух* образовано от *болт'ать*.

Имена существительные, образованные от глаголов при помощи суффикса *-ух* (*-юх*), обозначают л и ц (разрядка наша, Э.В.)... по их действиям... и по характерным признакам¹. Имея в виду, что понятие «сонливый» является, по всем вероятностям, очень древним и, с другой стороны, что словообразовательный суффикс *-ух* (*-юх*) непродуктивен, можно предполагать, что *дрімлюх* «сонливый» (Бродина) является архаизмом. Значение «козодой» появилось, должно быть, вторично.

¹ Там же, § 308, стр. 225.

Такие же семантические архаизмы сохраняются и в славянских говорах РНР, принадлежащих к другим славянским языкам.

Например, в русском говоре села Липовень Сучавского района слово *кан'ёц* значит не только «конец», как в общевеликорусском (Даль, II, 150: *конец*... «противоположное началу») и общукраинском (Гринч., II, 244) языках, но и «начало» (в смысле «противоположное концу»). Это семантический архаизм, который не сохранился в современных славянских литературных языках. Обстоятельства, при которых мы записали данное слово именно в таком значении не оставляют ни малейшего сомнения, что *конец* имеет в названном говоре и значение «начало»: забыв первый стих песни, которую собиралась диктовать нам, жительница этого русского села обратилась за помощью к своей дочери, присутствовавшей при анкете, и спросила ее по-русски: *как ані канца?*

В болгарском говоре Тырговиште словосочетание *чудно време* значит «плохая, скверная погода». В современном болгарском литературном языке слово *чуден* значит: 1. «странный», 2. «прекрасный», «чудесный», 3. «исключительный» (*Речник*, III, 631). В значении «плохой», «скверный» в литературном языке и говорах Болгарии употребляется слово *лош*: *лошо време* (см. *Речник*, II, 30, пункт 7: *лошо* «за време — студено, дъждовно, кално и пр.»). Слово *чуден* в значении «плохой» (о погоде) отсутствует, по-видимому, и в болгарских говорах (см. Геров, V, 565, где читаем: *чуден* «чудный», «чудесный», «мудреный», «странный»). Имея в виду этимологию слова *чудо*, которое, по всем вероятностям, восходит, в конечном счете, к и.-е. корню **kei-*, имеющему значение «слышать», «удивляться» (см. Младенов, 688), можно предполагать, что первоначально чувства, выражаемые словами с этим корнем были как приятные, так и неприятные (ср., напр., латинское *altus* «высокий» и, в то же время, «глубокий»¹). Это т. н. «поляризация» значений². Если это так, то, конечно, семантема «плохой», упомянутая выше, является значительным семантическим архаизмом, представляющим интерес не только для исторической семасиологии болгарского языка, но и для общей славистики и общего языкознания.

Не менее вероятным является, однако, и другое предположение: может быть, слово *чуден* (Тырговиште), имевшее до переселения болгар в Валахию те же значения, что и в общebolгарском (см. выше), претерпело на территории нашей страны семантический сдвиг, под влиянием румынского слова *ciudă* «негодование», «досада», «злоба»³.

В том же болгарском говоре слово *беден* означает «вызывающий подозрение», «обвиняемый», «виновный». В болгарском литературном языке *беден* значит только «бедный», «скудный», «несчастный» (*Речник*, I, 39). Значение, записанное у болгар города Тырговиште является семан-

¹ M. BRÉAL et A. BAILLY, *Dictionnaire étimologique du latin*, XI édition, Paris, стр. 9.

² Acad. AL. GRAUR, *Studii de lingvistică generală*, București, 1955, стр. 73.

³ В свою очередь румынское слово славянского происхождения *ciudă* претерпело, по сравнению с первоначальным значением, семантический сдвиг. См., напр., O. DENSUSIANU, *Istoria limbii romine*, București, 1961, I, стр. 174; G. MIHAILĂ, *Imprumuturi vechi sud-slave în limba romină*, București, 1960, стр. 157—158.

тическим архаизмом, имеющим в качестве отправного пункта значение «опасный» древнеболгарского слова *бѣдѣнь* (см. *Slovník*, 4, стр. 157—158). В народных говорах Болгарии слово *беден* имеет близкие в семантическом отношении значения: «бедственный», «бедоносный», «опасный» (*Геров*, I, 95).

§ 17. В случае записанных у славян, проживающих в РНР, диалектных слов или значений, не зарегистрированных в существующих лексикографических работах, установление без предварительного анализа того, является ли данная лексема или семантема архаизмом или поздним местным новообразованием — затруднительно. Тем не менее слова этой категории представляют для истории языка большой интерес. Приведем несколько примеров, собранных у носителей славянских говоров нашей страны:

ba(ă)bûc и *băbêjă* (Бродина) «безбородый» (РЛА II, том I, стр. 19, вопрос 6966). В словарях украинского языка этих слов нет (см. *Желех.*, I, 8, *Гринч.*, I, 12, *Куз.-Рудн.*, 15, *Калин*, 13, *Кирич.*, I, 21—22);

bătoșca (a) (Бродина) «родинка» (РЛА II, том I, стр. 21, вопрос 6943). И этого слова нет в упомянутых выше словарях украинского языка (см. *Желех.*, I, 15, *Гринч.*, I, 33, *Куз.-Рудн.*, 20, *Калин.*, 604, *Кирич.*, I, 36);

часу́ньк (Лунка-ла-Тиса), *часу́ньк* (Рона-де-Сус) «часы» также неизвестно в общеукраинском (*Желех.*, II, 1061, *Гринч.*, IV, 446, *Куз.-Рудн.*, 1427—1428, *Калин*, 767), где соответствующее понятие называется словом *годи́нник*. Может быть, *часу́ньк*, *часу́ньк* < **časovnik*, ср. болг. *часовник* «часы». Трудно решить, какое из двух слов древнее: лит. *годи́нник* или диалектизм *часу́ньк*.

Можно было бы привести десятки и десятки таких примеров не только из украинских, но и из других современных славянских говоров нашей страны.

§ 18. Диалектные данные, собранные у носителей славянских говоров РНР, могут быть использованы в области *этимологических* разысканий.

Значение диалектных данных славянских языков вообще для достижения новых успехов в изучении истории отдельных славянских лексем и семантем было подчеркнуто и на IV Международном съезде славистов¹, где, между прочим, указывалось, что «впредь этимологические словари должны больше внимания уделять словарному запасу диалектов» (Фасмер, см. *ПСЯ*, 96).

В известной мере славянские говоры РНР предоставляют этимологам факты, не засвидетельствованные в современных славянских диалектах и в соответствующих литературных языках. В этом смысле они являются, вместе с центроостремительными говорами, единственным и незаменимым источником, дополняющим и уточняющим данные, которые предоставляют исследователям памятники письменности.

Остановимся на одном примере.

¹ См. В. МАХЕК, *Принципы построения этимологических словарей славянских языков* (Резюме доклада в *ПСЯ*, 83—85).

Вкратце излагая общепринятую этимологию русского имени прилагательного *близору́кий*, авторы *РЭС* проводят сравнение между ним и украинским словом *близозі́ркий*, оставшимся «без изменения» (стр. 38). На наш взгляд методологически целесообразнее было бы в первую очередь указание на варианты без гаплогонии, кое-где сохранившиеся в самих русских диалектах. Правда, в словаре Вл. Даля таких вариантов слова *близору́кий* нет (*Даль*, I, 97). Мы не знаем, имеется ли сейчас в русских говорах СССР слово *близозоркий*. Во всяком случае, такое слово общеизвестно в уже упомянутом русском говоре РНР села Липовень, ведущем в последние около 200 лет обособленное, раздельное от общерусского языка существование. К тому же прибавим, что в данном говоре *близору́кий* вообще не признается русским словом. Мы это установили в порядке анкеты «от слова к значению».

Исследователей, занимающихся вопросами славянской этимологии, данные, которые предоставляют славянские говоры нашей страны, могут интересовать, по крайней мере, из следующих соображений.

1. В них имеются слова неясного происхождения, которые отсутствуют в литературном языке и в диалектах, но которые, как исключение, кое-где в последних все-таки употребляются.

Например, в русском говоре села Липовень «часть повозки, соединяющая оглоблю с концом оси» называется словом *атоса*, отсутствующим в основных словарях русского языка (см., напр., *Срезн.*, I, 31, II, 759, *Даль*, I, 29, *Евг.*, I, 48, *СлСРЛЯз.*, I, 218). Это не позднее местное заимствование из румынского, украинского, немецкого или какого-либо другого языка, на котором говорили и говорят в окрестностях села Липовень, а *свое* слово; оно было записано в той же форме и с тем же смыслом и М. В. Ушаковым, в 1927 г., от носителей русского говора местечка Мглина бывшей Гомельской губернии¹. Примечательным, на наш взгляд, является тот факт, что тогда, когда, слово *атоса* записывалось М. В. Ушаковым, в русской лексикологии и лексикографии еще не было никаких данных о его древности и распространении. Открытие того же слова в изолированном говоре русского населения, переселившегося около 200 лет тому назад из России в Буковину, дает возможность установить, что в России слово *атоса* употреблялось в диалектах еще в середине XVIII века.

Другими словами, в отдельных случаях данные, предоставляемые славянскими говорами РНР, могут способствовать отодвижению назад времени засвидетельствования лексических единиц, зарегистрированных в славянских странах только недавно.

2. Интересными для этимологических исследований являются и те слова, записанные от носителей славянских говоров РНР, которые материально и семантически только походят на не объясненные до сих пор диалектизмы, зарегистрированные в говорах данной славянской страны.

¹ М. В. УШАКОВ, *Описание говора местечка Мглина Гомельской губернии и его окрестностей*, «Труды постоянной Комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9/1927, Ленинград, стр. 152.

Например, в болгарском говоре Копривштицы (в Болгарской НР, к югу от Пирдопа) было записано слово *лѣмав* «ленивый», «нетрудолюбивый», «слабый», «бессильный» (см. *Дополнение* к словарю Н. Герова, составленное Т. Панчевым, Пловдив, 1908, стр. 192). Для установления этимологии этого диалектизма, которая, кажется, пока еще не дана (*Младенов*, 272, 282), по-видимому, небезынтересным будет сближение со словом *лѣмав* «однорукий», «человек с парализованной рукой», «калека», «нетрудоспособный», встречающимся в уже упомянутом болгарском говоре Тырговиште (см. § 6).

3. В славянских говорах РНР имеются слова явного славянского происхождения и с прозрачной внутренней формой, которые однако не засвидетельствованы в данном литературном языке и в диалектах. Словообразовательная структура и семантика таких слов представляют для этимологов большой интерес.

Например, в русском говоре села Липовень употребляется слово *бан'ак* «металлический сосуд для стирки белья», которое не засвидетельствовано ни в литературном языке (см. *Евг.*, I, 61, *СлСРЛЯз.*, I, 270), ни в говорах (*Даль*, I, 45). Поскольку в южновеликорусских говорах имеется глагол *банить* «мыть», «чистить водою» (*Даль*, I, 45), можно установить, что *бан'ак* (Липовень) образовано от глагольной основы при помощи суффикса *-ак* (*-як*). Здесь примечательным является то, что получившееся таким путем имя существительное способствует количественному увеличению реально существующих слов, образованных по той же модели: в современном русском языке — по крайней мере в литературном языке — такого рода образования редки¹.

4. В славянских говорах нашей страны иногда встречаются такие слова, которые, будучи построены по всем словообразовательным правилам данного славянского языка, все-таки не отражаются в имеющейся до настоящего времени лексикографической литературе. Остановимся на двух примерах.

В болгарском говоре Тырговиште понятие «учитель» обозначается словом *наѹчник*, нигде в проконсультированных нами источниках не засвидетельствованным (*Речник*, II, 207—208; *Геров*, III, 240; *Младенов*, 343). Если это новообразование, появившееся в условиях отрыва данного говора от общebolгарского языка, оно примечательно тем, что указывает на живучесть данной словообразовательной модели; если же это старое слово, имевшееся в говоре еще до переселения в Валахию, тем интереснее (и сложнее): ставится вопрос, в каком оно было семантическом соотношении с ныне забытым в говоре общebolгарским словом *учител*.

В русском говоре села Липовень для понятия «шепелявый» имеется весьма прозрачное слово *короткоязы́кий*. На наш взгляд, оно примечательно тем, что, несмотря на исключительную продуктивность данной словообразовательной модели (словосложение), не отражается в основных словарях русского языка (см. *Даль*, I, 169; *Евг.*, II, 140; *СлСРЛЯз.*, V, 1463—1464). Отсюда небезынтересный для этимологов вывод, что

¹ См. *Грамматика русского языка*, I, § 353, стр. 235.

слова, имеющиеся в общенародном языке только потенциально, в определенных диалектах — или только в отдельных говорах — могут функционировать как *реальные* слова, т. е. как слова, которые употребляются не индивидуально и случайно¹, а постоянно, целым коллективом.

5. Для этимологических исследований представляют интерес и те слова, записанные от носителей славянских говоров РНР, которые в звуковом отношении совпадая со словами, имеющимися в диалектах данного славянского языка, более или менее существенно отличаются от них в семантическом отношении. Это так называемые *семантические диалектизмы*². (О семантических диалектизмах, в то же время являющихся и архаизмами, см. § 16).

Например, в украинских говорах сел Лунка-ла-Тиса и Рона-де-Сус слово *пирѹх* (соотв. *пирѹх*) значит «вареник». Тот же смысл имеет данное слово и в буковинских говорах (ср. Dimitrie Dan, *цит. работа*, стр. 40, см. выше, § 3, примеч. 3).

В украинском литературном языке *пиріг* значит «пирог», а не «вареник» (*Гринч.*, III, 152), для которого имеется слово *вареник* (*Калин.*, 31). Разница, конечно, незначительная. Всё-таки, для установления этимологии укр. слова *пиріг* и, соотв., русск. слова *пирог* она может иметь определенное значение: если только семантема «вареник» не является новообразованием, она в известной мере может подкрепить этимологию *пирог* <**руго* «пшеница» (см. *КЭС*, 250).

Другие примеры семантических диалектизмов:

барáнч'ик (Липовень) «разновидность съедобных грибов». В русском языке слово *баранчик* имеет несколько значений (см. *Даль*, I, 47; *СлСРЛЯз.*, I, 274), но ни одно из них не относится к растительному миру.

вад'áнка (Липовень) «трясогузка». В русском литературном языке слово *водянка* имеет несколько значений, но ни одно из них не касается какой-либо птицы (см. *Даль*, I, 219; *СлСРЛЯз.*, II, 523).

kolodziej (Булай) «канатчик» (*Киц.-Деб.*), в то время как в польском литературном языке и в говорах это слово значит «колесник».

йн'ѣ (Тырговиште) «пена на вине, квасу и т. п.», в то время как в болгарских диалектах это слово значит «иной» (см. *Героу*, II, 328; *Младенов*, 223).

6. Не лишены интереса и стилистические различия между словами, являющимися в славянских языках стилистически равнозначными. Например, территориальные болгарские синонимы *крак* и *нога* в болгарском говоре РНР стилистически дифференцированы: *крак* (Тырговиште) значит «нога (человека, животного)» или «ножка предмета» и является

¹ В этом смысле *короткоязыкий* (Липовень) коренным образом отличается, скажем, от французского потенциального слова *galopieur*, которое, даже тогда, когда кем-либо случайно и употребляется, остаётся, всё-таки, только потенциальным. См. J. VENDRYES, *Le langage*, Paris, 1921, стр. 221.

² О понятии «семантический диалектизм» см., напр. А. И. ФЕДОРОВ, *Семантические диалектизмы в лексике беломорских поморов*, в сб. «Слово в народных говорах русского севера», Ленинград, 1962, стр. 49.

стилистически нейтральным, в то время как *нога́*, употребляющееся гораздо реже, слышится только при грубом обращении.

Перед исследователями славянских говоров нашей страны стоит важная задача: внимательное собирание слов (лексем и семантем), не засвидетельствованных в славянских странах и составление диалектных словарей и словников¹.

§ 19. Примечательными являются и те диалектизмы, собранные от носителей славянских говоров РНР, которые, лексически совпадая со словами, имеющимися в общенародном языке или в отдельных говорах славянских стран, отличаются от них в морфологическом отношении.

Приведем несколько примеров.

В гуцульских говорах украинского языка Волод. Шухевич записал диалектное слово *рудá* «дышло» (*Гринч.* IV, 85), являющееся именем существительным женского рода. В украинских говорах РНР в значении «дышло телеги» употребляется слово *руд* (Рона-де-Сус, Лунка-ла-Тиса), относящееся к мужскому роду. Причины такого грамматического расхождения остаются, пока, неясными, хотя факт сам по себе представляет большой теоретический интерес: такого же рода несоответствия встречаются и в других говорах. Например, в то время как в русском литературном языке и в диалектах для названия птицы *Alauda arvensis* употребляется слово *жаворонок*, являющееся именем существительным мужского рода (*Даль*, I, 524, *Евг.*, I, 639), в одном из русских говоров РНР данное имя существительное относится к женскому роду: *жэвара́нка* (Липовень).

Для понятия «сенокос», «время косьбы травы на сено» в украинском литературном языке и в говорах употребляется слово *сінокіс*, являющееся именем существительным в единственном числе (*Гринч.* IV, 127, *Калин.*, 629), в то время как в украинских говорах РНР «время косьбы травы на сено» обозначается именем существительным, употребляющимся только во множественном числе: *с'інокосы* (Рона-де-Сус), *с'інокоси* (Лунка-ла-Тиса). С другой стороны, в то время как в русском литературном языке и в диалектах промежуток времени, обозначающий 24 часа, называется словом *сутки*, которое употребляется только во множественном числе², в русском говоре Климауць Сучавской области РНР соответствующее понятие обозначается словом *с'утка*, морфологически и синтаксически ничем не отличающимся, например, от русского лит. *ло́дка*. Эта оригинальная иновация, по нашему мнению, не может быть результатом влияния со стороны румынского языка, так как в последнем вообще отсутствует лексема, которая обозначала бы «24 часа»: по-румынски говорят *o zi și o noapte* «сутки», что буквально значит «один день и одна ночь». Насколько нам известно, в общерусском

¹ Об этом см., напр., Р. И. АВАНЕСОВ, В. Г. ОРЛОВА, *О принципах составления диалектологических программ*, «Вопросы языкознания», 2/1956, стр. 145; В. И. ПАНОВ, *Некоторые вопросы областной русской лексикографии*, в «Лексикографическом сборнике», изд. Акад. Наук СССР, III (1958), Москва, стр. 51 и след. См. и нашу статью, упомянутую выше, § 1, примеч. 2.

² См. В. В. ВИНОГРАДОВ, *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва—Ленинград, 1947, стр. 161, пункт 7.

языке не было обнаружено слова *сутка* (см. *Срезн.*, III, 630, *Даль*, IV, 365, *Евг.*, IV, 423). Причиной этого грамматического изменения явилось, может быть, т.н. давление системы, в рамках которой подавляющему большинству имен существительных, обозначающих счетные предметы, свойственны формы единственного числа, противопоставляющиеся формам множественного числа.

§ 20. Фонетические, грамматические и лексические инновации, возникающие в славянских говорах РНР в результате контакта с румынским языком и славяно-румынского двуязычия, представляют, на наш взгляд, большой теоретический интерес: на протяжении своей истории многие славянские языки соприкасались с романскими языками, в частности, с румынским. Изучение процессов, имевших место в результате романско- и румыно-славянских языковых взаимоотношений, могли бы лучше быть исследованы при учете явлений, происходящих в настоящее время там, где говорящие на славянских языках соприкасаются с говорящими на румынском языке.

Коснемся некоторых явлений, характерных для славянских говоров РНР, которые можно было бы объяснить влиянием румынского языка. (В отдельных случаях такое влияние не вызывает никаких сомнений).

В сербохорватских говорах Банатской области, принадлежащих к шумадийско-войводинскому диалекту, наблюдаются частные случаи факультативных интонационных вариантов одного и того же слова, что является, по-видимому, признаком ослабления фонологической (смыслоразличительной) роли интонаций под влиянием румынского языка, поскольку сербы, проживающие в городе Тимишоара, где отметил это явление П. Ивич (Ivić, *Die serbokr. Dialekte*, 180), и в других населенных пунктах являются, большей частью, билингвами. Отсутствие интонационных различий в говоре Карашовы можно было бы объяснить таким же образом, несмотря на то, что данное явление вообще характерно для призрено-тимокского диалекта (см. Ivić, *ПСЯ*, 325).

В своих наблюдениях над чешскими говорами Банатской области Г. Чипля (см. § 8 примеч. 1) отметил случаи полудолгих гласных. Такое явление ведет, конечно, к ослаблению смыслоразличительной функции гласных, отличающихся по долготе-краткости. И это связано, хотя бы частично, с тем, что носители данных говоров живут в условиях румынского языкового окружения.

И в морфологической структуре славянских говоров РНР наблюдаются отдельные явления, которые, по всем вероятностям, являются результатом влияния румынской языковой среды. В этом смысле можно было бы привести хотя такой пример: в украинском говоре нашей страны мы записали слово *копыта́*, являющееся именем существительным женского рода (Рона-де-Сус), ср. укр. *копито́* русск. *копы́то*, польск. *kopyto*, чешск. *kopyto*, схр. *kopito*, болг. *копѣто* (ср. рода), но рум. *copită* (ж. рода).

Привлекают внимание инновации, происходящие в синтаксической структуре славянских говоров РНР.

Например, в болгарском говоре села Попешть-Леорденъ, как и в румынском языке, глагол *съм* и краткие формы личных местоимений

могут стоять в абсолютном начале предложения: *съм тук* «Я здесь», ср. болг. лит. *тук съм* и, с другой стороны, рум. *Sint aici!* или *Aici sint!* *тъ убъѣм* «Люблю тебя», ср. болг. лит. *объѣм те* и рум. *Te iubesc*.

Много синтаксических инноваций, являющихся результатом влияния румынского языка, было отмечено в сербохорватских говорах Банатской области (Petrović, GC, 220; Ivić, *Die serbokr. Dialekte*, § 210, 179)¹.

Наконец, в славянских говорах РНР имеют место самые разнообразные лексические и семантические изменения, которые в отдельных случаях, являются результатом славяно-румынского языкового контакта и двуязычия. Остановимся на одном примере.

В украинском литературном языке и в диалектах имеется слово *чоловічок* 1. «человечек» и 2. «зрачок». И в украинском (гуцульском) говоре РНР данное слово обозначает часть человеческого тела — «язычок»: *čolovčyc* (Бродина, РЛД II, том I, стр. 17, вопрос 6929). Между укр. лит. *чоловічок* «зрачок» и укр. диал. *čolovčyc* «язычок» (Бродина) нет никакой семантической связи: в последнем случае имеем дело с семантической инновацией, возникшей под влиянием румынского языка, где *omțor* значит 1. «человечек» и 2. «язычок». (В свою очередь, румынская семантика «язычок» совпадает с албанским *heriθ* «язычок», образованным суффиксацией от *her* «человек»²).

★

Итак, славянские говоры РНР представляют большой теоретический интерес, благодаря сохранившимся в них архаизмам, благодаря своим новообразованиям и, вообще, своему поведению в условиях продолжительного отрыва от соответствующих славянских языков.

Слависты Румынской Народной Республики, работающие в области славянской диалектологии, надеются, что результаты своих исследований будут представлять интерес для исторической диалектологии и для истории славянских языков.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИСТОЧНИКОВ

- Бенншт., *Очерк* = С. Б. БЕРНШТЕЙН, *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*, Москва, 1961.
- Героу = НАЙДЕН ГЕРОУ, *Речник на български език*, Пловдив I (1895) — V (1904) и Г. ПАНЧЕВ, *Допълнение на българския речник от Н. Героу*, Пловдив, 1908.
- Гринч. = Б. Д. ГРИНЧЕНКО, *Словарь украинского языка*, том I—IV, Киев, 1958 (по изд. 1907-1909).
- Даль = ВЛАДИМИР ДАЛЬ, *Толковый словарь живого великорусского языка*, том I—IV, Москва, 1956 (по 2-му изд. 1880—1882).

¹ См. и В. БЕСКУ, *Румынское влияние на синтаксис сербского диалекта в Банате*, «Romanoslavica», I (1958), стр. 63—72.

² O. DENSUSIANU, *там же*, стр. 195.

- Евг. = *Словарь русского языка*, Том I—IV, изд. Институтом языкознания при Акад. Наук СССР. Председ. редколлегии — А. П. Евгеньева. Москва, 1957—1961.
- ЖБВ = М. ЖИВКОКОВИЧ, Б. БЕРИЧ, В. ВЕСКУ, *О сръпским и хрватским говорима у Банату*, «Нови живот», Тимишоара, 2/1961 и 1/1962.
- Желех. = ЕВГЕНИЙ ЖЕЛЕХОВСКИЙ, *Малорусско-німецький словарь*, Том I—II, Львів, 1886.
- Жилко = Ф. Т. ЖИЛКО, *Говори української мови*, Киев, 1958.
- Калин. = *Русско-украинский словарь*. Главный редактор акад. М. И. Калинович, 1956.
- Кирич. = *Украинско-русский словарь*. Главный редактор И. И. Кириченко. Том I—III, Киев, 1959.
- Киц.-Деб. = ION C. CHIȚIMIA, ELENA DEBOVEANU-MĂLĂ-ESCU, *Graiul și folclorul polonez din Bula, raionul Suceava*. «Romanoslavica», 7/1963.
- Куз.-Рудн. = *Українсько-німецький словник*, составили Зенон Кузеля и Ярослав Рудницкий, Ляйпциг, 1943.
- КЭС = Н. М. ШАНСКИЙ, В. В. ИВАНОВ, Т. В. ШАНСКАЯ, *Краткий этимологический словарь русского языка*, 1961.
- Мирчев,
Ист.грам.б.яз. = КИРИЛ МИРЧЕВ, *Историческа граматика на българския език*, София, 1958.
- Младенов = СТ. МЛАДЕНОВ, *Етимологически и правописен речник на българския книжовен език*, София, 1941.
- Панькевич = ИВАН ПАНЬКЕВИЧ, *Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей*. Частина I. Звучня і морфологія, Прага, 1938.
- ПСЯ = Академия Наук СССР. Советский комитет славистов. IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссий. Том второй. *Проблемы славянского языкознания*, Москва, 1962.
- Речник = *Речник на съвремения български книжовен език*, Том I—III, София, 1955—1959.
- РЛА II, том I = *Atlasul lingvistic român II, volumul I (ALR II, vol. I)*, Sibiu-Leipzig, 1940.
- РЛА «новая
серия» I—III = *Atlasul lingvistic român, («serie nouă»), vol. I—III*, București, 1956—1961.
- СлСРЛЯз. = *Словарь современного русского литературного языка*, изд. Институтом русского языка при Акад. Наук СССР. Москва-Ленинград, Том I (1950) — том XIV (1963).
- Срезн. = И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ, *Материалы для словаря древнерусского языка*, Том I—III, Москва, 1958 (по изд. 1893 г.).

- Стойков.
Бълг диал. = СТОЙКО СТОЙКОВ, *Българска диалектология*,
София, 1962.
- Berić,
Accentul... = B. BERIĆ, *Accentul în graiurile sîrbești din Clisura*,
«Romanoslavica», VII (1963).
- Ivić,
Les balkanismes = PAVLE IVIĆ, *Les balkanismes naissants dans les parlers*
serbes du Banat, «Cercetări de lingvistică». Mélanges
linguistiques offerts à Emil Petrovici par ses amis
étrangers à l'occasion de son soixantième anniversaire.
Anul III, 1958. Supliment. Cluj.
- Ivić, Die serbokr.
Dialekte = PAVLE IVIĆ, *Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur*
und Entwicklung. I. Allgemeines und die štokavische Dia-
lektgruppe, Mouton et Co., 'S-Gravenhage, 1958.
- Petrovici, GC = EMIL PETROVICI, *Graiul Carașovenilor. Studiu de*
dialectologie slavă meridională, București, 1935.
- SCL = Studii și cercetări lingvistice.
- Slovník = *Slovník jazyka staroslověnského*. Praga, 1 (1958), 2—3
(1959), 4 (1961), 5 (1962).
- Rječnik = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, izdaje Jugoslavenska
Akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1880 и след.
- Vaillant = ANDRÉ VAILLANT, *Grammaire comparée des langues*
slaves. Tome I, *Phonétique*, tome II, *Morphologie*. Paris,
1950—1958.